

О РЕФЛЕКСИВНОМ ПОДХОДЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ (ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА)

В заключении я не буду представлять результаты проделанной работы, как это принято делать в подобных случаях. Мне бы хотелось написать о том, что мне лично не удалось сделать в своих книгах¹ и почему я считаю свои разработки лишь частной попыткой рефлексивного выражения социальной теории.

Именно к рефлексивному подходу, предполагающему критическое отношение к собственному опыту и своему научному окружению, я постепенно пришел на протяжении последних лет.

1. В соответствии с традиционным разделением философии на онтологию и гносеологию (или эпистемологию) я предложил дифференцировать социальную теорию на два основных раздела — *социальную онтологию* (знание о природе социальной реальности) и *социальную эпистемологию* (знание о системной организации социального знания). Но мне так и не удалось провести четкую границу между научным знанием о социальном мире и знанием о социальном знании.

По-видимому, необходимо было с самого начала ввести читателей в свой замысел и представить традиционную социальную эпистемологию как «*знание о знании знаниевых социально-научных систем*», что мне удалось сделать лишь частично.

2. Мне не удалось убедить себя и читателей в том, что мир системно универсален или универсально системен. Я лишь пришел к гипотетическому выводу о том, что какая-то часть это мира имеет системную природу, а другая или, возможно, другие пребывают в спонтанном состоянии и развитии, в которых стремление к воспроизводству целостности уступает место тенденции к бесконечному разнообразию форм социального бытия.

В результате я попытался усилить мысль Ю. Хабермаса о том, что в современном социуме *существует системный мир*, в котором царит фор-

¹ См.: Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная эпистемология. М., 1999; Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная онтология. М., 1999; Резник Ю.М. Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003.

мальная рациональность или организованная системность, а наряду с ним существует мир жизненный как сфера повседневной реальности людей.

Все, что было и остается основным лейтмотивом моих книг, оказалось вынесенным за скобки и теоретически соотнесенным лишь с этим фрагментом социальной реальности, гипотетически наделяемым условно-символической системностью. Да, действительно, системная часть социального мира локализована не только в реальном физическом пространстве, но и в пространстве мысли (мыследеятельности).

3. Мысль о возможном существовании системного мира социума побудила меня к дальнейшему развитию «трехаспектной» модели социума. Вслед за П. Сорокиным и Т. Парсонсом я взялся за построение собственной модели системного социального мира, в понимание которого были введены три категории анализа — «личность», «культура» и «социальная организация. Увы! Мне так и не удалось показать органическое единство этих сторон, аналитически вычлняемых в рамках данной модели социума.

4. Мне не удалось в полной мере развернуть в своих книгах и статьях по социальной теории положение о том, что *системность есть способ конструирования деятельности людей, как познавательной, так и практической*. Именно через деятельность люди воздействуют на реальные и воображаемые «объекты» окружающей действительности.

Человечество обладает, как известно, разными познавательными инструментами конструирования мира, разделяемого благодаря этому на «мир-вокруг» и мир-в-себе», «мир-для-других» и «мир-для-себя», «мир-как-сущность» и мир-как-существование» и пр. Это разделение проявляется и в соотношении *практики* (способа предметно-чувственного преобразования мира) и *познания* (способа мысленного конструирования мира). При помощи первой мы изменяем материальные свойства социального мира, посредством второго — картину этого мира как рационально обоснованного и символически обобщенного знания о нем.

5. Тезисы о незавершенности предлагаемого мною проекта социальной теории заставили отказаться от построения новой модели, выражающей в обобщенном виде преимущества всех других моделей.

Раз социальный мир имеет конструируемую природу и его системная организация есть ни что иное, как рациональное построение этого мира, то стоит ли дальше заниматься чрезмерной «онтологизацией» социальной реальности и «объективизацией» социального знания?

Логика системного конструирования социальной реальности имеет свои научно-познавательные и практические пределы. Но прежде чем достичь ее границ, необходимо вначале достроить системное социальное

знание снизу доверху. Именно этим мне пришлось заниматься в третьей части своей книги (см.: «Введение в социальную теорию. Социальная системология»), обращаясь к работам признанных авторитетов философии и науки.

Но любой здравомыслящий читатель скажет, что этого недостаточно, чтобы претендовать на построение системной картины социального мира, которая бы отвечала требованиям научности и достоверности.

Но моей целью была вовсе не разработка социальной теории, как таковой. Эта задача оказывается не по силам даже большой группе исследователей. Назначение моей научной работы состояло в другом, а именно – в *формировании рефлексивной модели конструирования социальной реальности*, призванной не сколько описывать или объяснять саму реальность, сколько представить в символически обобщенной форме результаты познавательных действий людей, именующих себя социальными исследователями и теоретиками.

6. Вот так, шаг за шагом я пытался убедить компетентного читателя и самого себя в том, что мне не удалось сделать невозможное – построить и обосновать формально-логическими средствами научную картину социального мира. Но такая констатация выглядит, по крайней мере, как новая претензия автора на достижение запредельных оснований социальной теории².

Другими словами, получение нового знания о системных объектах не является самоцелью в моих работах. Я могу конструировать не новое, а просто «иное» знание, выходящее по своему содержанию за черту привычного и традиционно понимаемого знания. Иное в данном контексте и есть «запредельное», т.е. постигаемое при помощи других средств познания.

С другой стороны, я предлагаю не новое знание, а новый подход к организации научно-познавательной деятельности. И тогда системное знание рассматривается как одно из возможных средств этой деятельности, а системность в целом как способ ее конструирования, а не атрибут социальной реальности, на изучение которой претендуют теоретики.

Таким образом, я лишь обозначил точки интеллектуального напряжения, но еще не убедил читателя в своей правоте. Ведь системно мыс-

² Термин «запредельный» здесь употребляется в смысле возможного выхода социальной теории за рамки формальной логики и правил логического вывода, делающих социальное исследование научным в строгом смысле этого слова. Потому что построить такую картину – это, значит, задействовать весь арсенал формально-логических средств социально-научного анализа и выйти за пределы «знаниевого» подхода к анализу социального мира.

литель — это, значит, в моем понимании представлять мир (или совокупность объектов этого мира) системным образом, т.е. задавать совершенно иные (возможно, далеко не новые) основания бытия человека.

В другой же системе координат степень новизны деятельности человека невероятно возрастает. Однако стремление упорядочить свой или чужой опыт конструирования не следует воспринимать как попытку создания новой социально-научной концепции. Это — предельное основание существования и развития «знаниевого» подхода. Мы же всего лишь допускаем возможность иного, например, рефлексивного подхода к организации социальной теории. Системность социального бытия и социального знания является для нас лишь символическим средством и в лучшем случае поводом, а не основанием познания.

Чтобы окончательно разъяснить свою позицию, приведу еще один довод. Системное конструирование является способом производства познавательных и символических средств, позволяющих объяснять «*объективную*» (и «*интерсубъективную*») реальность, т.е. реальность первого порядка (социальный мир) и *символическая* («*интерпретативную*») реальность, т.е. реальность второго порядка (представления самих субъектов о социальном мире), помещая их в резервуар знания и кладовую «знаниевого» подхода. Если же мы хотим выйти за пределы такого подхода, то тогда следует ввести категорию *системности* как *конструируемой реальности*.

Системная или конструируемая реальность наиболее наглядно представлена в таких сферах человеческой деятельности, как политика, наука, религия, искусство и др. Так, например, ученый конструирует воображаемые социальные миры подобно тому, как политик создает социальные проекты и программы, превращая их в реальность второго порядка при помощи избирательных технологий, средств массовой информации и т.д. При этом объективная реальность (как сфера последствий) никогда не совпадает с субъективно-опосредованной реальностью (как сферой интересов и намерений субъектов), а сама системная реальность (будь-то научно-исследовательские программы или политические проекты) зависит от многих других факторов, в т.ч. биографической ситуации субъекта, его персональной реальности.

В традиционном смысле реальность первого порядка является предметом изучения объективистской социальной теории (эволюционизм, марксизм, функционализм и др.), а реальность второго порядка — предметом субъективистского («понимающего») направления (социальная феноменология, интеракционизм, этнометодология и пр.).

Противопоставляя рефлексивный подход «знаниевому» подходу, мы тем самым подчеркиваем, что рефлексивность для нас выступает в виде

определенной междисциплинарной аналитической матрицы постижения социального мира (принципиально отличающейся от «знаниевой» модели), которая оперирует реальностями только двух типов («реальность-как-объект» и «реальность-как-знание-об-объекте»). Рефлексивный подход позволяет ввести новое понятие системной (в т.ч. аналитической) реальности – «реальности-как-деятельности» (рационально сконструированного мира познавательного или практического опыта), с позиций которой рассматриваются и конструируются реальности первого и второго порядка. Именно с ней соотносятся и «сопрягаются» другие реальности, пропускаемые через фильтры рефлексивности.

Системная реальность обладает рядом существенных признаков, которые на предварительной стадии изучения можно выделить лишь условно или гипотетически: *рациональная природа* (тип рациональности зависит от сферы социальной жизни людей), *анонимность* и личностная отчужденность, *нейтральность* (аперсональность), *формальный характер* (в смысле следования логике формальных процедур – правил научного дискурса, требований должностной инструкции, пунктов политической программы и т.д.), *самопрезентативность* (способность системной реальности описывать и выражать себя средствами языка, вырабатываемого внутри нее), *самоизолированность* (способность системы отделять себя от среды, поддерживать и воспроизводить границы между собой и другими системами или внесистемными объектами всеми дозволенными или допустимыми способами), *самореферентность* (способность системы к соотносению с самой собой, к созданию «внутренней» точки отсчета или сети координат) и др.

В структурном плане следует различать «внешнюю» системную реальность, опосредующую познавательное и практическое взаимодействие субъектов с окружающим миром, и «внутреннюю» системность, основанную на самосоотнесенности и самоотчужденности субъектов в рамках вырабатываемой ими собственной сети ценностно-нормативных координат.

Следовательно, системная (аналитическая) реальность представляет собой «внутреннее табло» социальной теории, на котором отображаются (проецируются) все другие виды реальности. Поэтому в рефлексивной перспективе данной теории возможны следующие процедуры анализа:

- 1) соотношение системной (аналитической) реальности с «объективной» реальностью (миром социальных фактов и последствий);
- 2) соотношение аналитической реальности с реальностью субъективного типа (миром намерений и интересов субъектов действия и познания);

3) соотнесение аналитической реальности с персональной реальностью (миром повседневной жизни, биографической ситуацией ученого-теоретика);

4) соотнесение системно-аналитической реальности, сконструированной учеными, с другими видами системной реальности – политической, экономической, художественной, религиозной и пр.

Таким образом, рефлексивная перспектива в современной социальной теории ориентирована на постижение множества уровней реальности, среди которых выделяются «объективная», «субъективная» или «субъективно-опосредованная» (символическая), персональная (биографическая) реальности, которые отображаются на табло системно-аналитической реальности как рационально сконструированного мира познавательного опыта. Концептуальное содержание и методологические рамки такого подхода к пониманию социального мира как многоуровневой реальности нам еще предстоит обосновать и ввести в научный оборот.

Ю.М. Резник